

Англосаксонская хроника

УДК 82-94

DOI: 10.28995/2686-7249-2021-1-86-115

Вильгельм Завоеватель в Англосаксонской хронике: от коронации до кончины

Инна Г. Матюшина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, I.Matyushina@exeter.ac.uk*

Аннотация. В статье анализируются прозаические и поэтические анналы Англосаксонской хроники, повествующие о короле Вильгельме Завоевателе. В Абингдонской, Петерборской и Вустерской рукописях за 1066 г. вторжение Вильгельма на Британские острова осмысливается в контексте победы, одержанной Харольдом Годвинсоном над объединенными силами норвежского конунга Харальда Сурового и Тости Годвинсона. Создатель Паркерской хроники выражает свое отношение к завоеванию как к величайшему национальному бедствию, помещая сообщение о нападении Вильгельма в контекст других трагических событий 1066 г. О коронации Вильгельма упоминают лишь Петерборская и Вустерская рукописи за 1066 г.; обе рассматривают ее в контексте нарушенных обещаний короля и бедственных последствий для завоеванного им народа. В статье аргументируется предположение о том, что прозаическая часть анналов Петерборской рукописи за 1087 г., в которой рассказывается о кончине Вильгельма Завоевателя, создана под воздействием гомилетических жанров, в частности проповедей Вульфстана. Напротив, поэтическая вставка о Вильгельме Завоевателе в этой рукописи восходит к низовой традиции словесности, почти свободной от влияния аллитерационного стиха и основанной на использовании рифмы, обиходной лексики, упрощенного синтаксиса.

Ключевые слова: Англосаксонская хроника, нормандское завоевание, Вильгельм Завоеватель, Петерборская рукопись, гомилетическая традиция, проповеди Вульфстана

Для цитирования: Матюшина И.Г. Вильгельм Завоеватель в Англосаксонской хронике: от коронации до кончины // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 1. С. 86–115. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-1-86-115

William the Conqueror in the Anglo-Saxon Chronicle: from Coronation to Death

Inna G. Matyushina

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,

I.Matyushina@exeter.ac.uk

Abstract. The aim of the article is to analyse the prose and poetic annals of the *Anglo-Saxon Chronicle* concerning William the Conqueror. In the annals for 1066 in the Abingdon, Peterborough and Worcester manuscripts, the success of William's invasion of the British Isles is viewed in the context of Harold Godwinson's victory over the joint forces of the Norwegian King Haraldr harðráði and Tostig Godwinson. The compiler of the Parker Manuscript treats the conquest as a great national disaster by putting it in the context of other tragic events of the year. Only the Peterborough and the Worcester manuscripts for 1066 mention William's coronation, and both refer to it in the context of direct consequences for the conquered nation and the King's broken promises. The analysis of the themes, rhetorical devices and stylistic organisation of the prose annals of the Peterborough manuscript for 1087 enables the author of the article to argue that they must have been composed under the influence of the homiletic tradition, in particular Wulfstan's sermons. The study of the style and meter of the poem about William the Conqueror inserted in the Peterborough manuscript shows that its colloquial vocabulary, simplified syntax, ornamental alliteration and plain rhyme go back to a lower poetic tradition than that of indigenous Anglo-Saxon alliterative verse.

Keywords: Anglo-Saxon Chronicle, the Norman Invasion, William the Conqueror, Peterborough Manuscript, homiletic tradition, Wulfstan's sermons

For citation: Matyushina, I.G. (2021), "William the Conqueror in the Anglo-Saxon Chronicle: from Coronation to Death", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 1, pp. 86–115, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-1-86-115

Герцог Нормандии Вильгельм вторгся на Британские острова в сентябре 1066 г., объявив, что король Эдуард Исповедник назначил его своим преемником. Вильгельм одержал победу в битве при Гастингсе 14 октября того же года, был коронован на Рождество и правил страной более 20 лет (с 25 декабря 1066 г. по 1087 г.). Наиболее ранние, возможно, прижизненные свидетельства о правлении первого нормандского короля Англии хранят рукописи Англосаксонской хроники, однако их анналы избирательны и по ситуативному контексту, и по эмоциональной оценке, а потому нуждаются в объяснении.

Рукописные записи Хроники прекращаются или сразу после нормандского завоевания, или несколько лет спустя: Абингдонская рукопись (MS C) обрывается в 1066 г., Паркерская (MS A) – в 1070 г., Вустерская (MS D) ведется до 1077 г. В отличие от других рукописей, Петерборская хроника (E: Bodleian MS Laud 636) продолжается до 1154 г., т. е. в течение почти 90 лет после нормандского завоевания. Имя Вильгельма впервые появляется в Петерборской рукописи в связи с его восшествием на престол: “Rodbertus comes obiit in peregrinatione. et successit rex Willelmus in puerili ætate” – «Роберт умер во время паломничества, и король Вильгельм наследовал ему ребенком»¹. Латинская запись о том, что Вильгельм стал герцогом Нормандии, датирована в Петерборской рукописи 1031 годом, хотя из других источников известно, что Роберт Великолепный скончался несколькими годами позднее (в 1035 г.) в Никее, когда возвращался из паломничества в Иерусалим (Van Houts 1992, p. 80–85). По свидетельству Вильгельма Жюмиежского, Роберт назначил сына своим преемником еще до того, как отправился в паломничество, возможно, поэтому Петерборская рукопись указывает более раннюю дату воцарения Вильгельма на престоле Нормандии.

Расширенный вариант записи о кончине герцога Нормандии Роберта и восшествии на престол его единственного сына Вильгельма, рожденного в конкубинате с Эрлевой (Арлеттой), повторяется в двуязычной рукописи Хроники, созданной в Кентерберии (F, ок. 1100 г., British Library MS Cotton Domitian Aviii, ff. 30–70) на древнеанглийском и латинском языках: «И Роберт, герцог Нормандии, отправился в Иерусалим и там скончался; Вильгельм, который потом сделался королем в Англии, наследовал ему в Нормандии, хотя и был еще ребенком»². В обеих записях речь идет о смерти отца Вильгельма, герцога Роберта, который доводился племянником королеве Эмме Нормандской (состоявшей в первом браке с королем Этельредом, а во втором – с Кнудом Могучим) и двоюродным братом королю Эдуарду Исповеднику. Наследовавший Роберту Вильгельм был связан тесным родством с уэссекской династией: он был внучатым племянником Эммы Нормандской, матери последнего уэссекского короля Эдуарда Исповедника, умершего бездетным. Эдуард Исповедник и его брат Альфред Эте-

¹Здесь и далее текст Петерборской рукописи (MS E) цит. по: (The Anglo-Saxon Chronicle 2004). Перевод на русский язык автора статьи.

²Здесь и далее текст двуязычной рукописи Хроники, созданной в Кентерберии (MS F), цит. по: (The Anglo-Saxon Chronicle 2000). Перевод на русский язык автора статьи.

линг провели детство и юность в изгнании при нормандском дворе, которым с 1027 по 1035 г. правил отец Вильгельма Роберт. По словам Вильгельма Жюмиежского, Роберт даже надеялся отвоевать для своих родственников (Эдуарда и Альфреда) английский трон и готовил от их имени вооруженное вторжение в Англию, но ему помешала буря (Van Houts 1992, p. 76–77). Согласно Вильгельму Малмсберийскому, походу Роберта воспрепятствовала непогода, однако остатки судов, «развалившиеся от долгого времени можно все еще видеть в Руане и в наш век» (*reliquiae ratium, multo tempore dissolutarum, Rotomagi adhuc nostra aetate uisebantur*, – Mynors 1998, p. 320–321)³. Очевидно, упоминание об отце Вильгельма Роберте, чьи планы вторжения в Англию и вещественные доказательства этих планов не были скрыты от современников, должны были напомнить им о том, что притязания нормандских герцогов на английский престол появились задолго до нормандского завоевания.

Важность следующей записи Хроники (MS D: Cotton Tiberius B. IV), в которой упоминается имя Вильгельма, трудно переоценить. В ней сообщается о том, что Вильгельм посетил короля Эдуарда Исповедника в 1052 г.: «И скоро эрл Вильгельм прибыл из-за моря с большим войском французов, и король (Эдуард) принял его и столько его спутников, сколько ему было угодно, и отпустил их восвояси»⁴. По мнению нормандских историков, во время этого посещения, если оно действительно состоялось, король Эдуард мог пообещать Вильгельму свой престол, тогда нормандское вторжение в Англию в 1066 г. предстает не как завоевание, но как единственная возможность, остающаяся у нормандского герцога, вступить в права наследования. Вероятность того, что король Эдуард назначил Вильгельма своим преемником, подтверждается тем, что именно в 1051–1052 гг. король был особенно враждебно настроен по отношению к могущественному уэссекскому эрлу Годвине и всем его сыновьям, включая Харольда Годвинсона.

Вражда короля Эдуарда с кланом Годвине началась с его юности, когда в 1036 г. по приказу Годвине был ослеплен, а затем погиб младший брат Эдуарда Альфред Этелинг. Вооруженный конфликт короля с Годвине и его сыновьями произошел в 1051 г., когда те

³ Вильгельм Малмсберийский не совсем точно называет Эдуарда и Альфреда внучатыми племянниками Роберта Великолепного (Mynors 1998, p. 320–321).

⁴ Здесь и далее текст Вустерской рукописи Хроники (MS D) цит. по: (The Anglo-Saxon Chronicle 1996): “*Da sone com Willelm eorl fram geondan sae mid mycclum werode Frencisra manna, 7 se cyning hine underfeng, 7 swa feola his geferan swa him to onhagode, 7 let hine eft ongean*”.

собрали войско и окружили короля в Глостере. В следующем году король Эдуард был вынужден согласиться на все требования Годвине, который вернулся с флотилией кораблей, соединился с кораблями своего сына Харольда Годвинсона, вошел в Темзу и заставил короля возвратить конфискованную у него собственность. Следовательно, если Вильгельм посетил короля Эдуарда в 1051 г., тот едва ли мог считать сына Годвине Харольда своим наследником. Однако сообщение о встрече короля Эдуарда с Вильгельмом встречается только в одной рукописи (Вустерской, D: British Library MS Cotton Tiberius B. IV) и не считается историками заслуживающим полного доверия⁵. Недостоверность анналов за 1052 г. подтверждается тем, что это единственная запись Вустерской рукописи до 1066 г., упоминающая имя Вильгельма.

Петерборская рукопись остается единственной, составители которой проявляют неизменный интерес к нормандскому королю; возможно, это свидетельствует о том, что ее записи были сделаны после нормандского завоевания⁶. В однострочной латинской записи за 1062 г. говорится, что Вильгельм, граф Нормандии, подчинил графство Мэн (*Nos anno subiuguta est Synomannia comiti Normanniæ Willelmo*). За краткой строкой Хроники скрываются знаменательные события, которые допускают сопоставление с историей нормандского завоевания. Подобно королю Эдуарду Исповеднику, Герберт II, правитель графства Мэн (совр. Maine), скрывался в Нормандии, когда его враг (граф Анжу Жоффруа Мартел) захватил его земли. Как и король Эдуард, Герберт умер бездетным (он был обручен с дочерью Вильгельма). Своим наследником Герберт назначил Вильгельма, поэтому тот заявил свои права на графство Мэн, как только оно осталось без правителя. Вильгельм действовал от имени своего сына Роберта Куртгёза, с которым была обручена сестра Герберта Маргарита. Права Вильгельма оспаривали Биота, родная тетка Герберта, и ее муж Вальтер (Готье III), герцог соседней с Мэном провинции Вексин. Правитель Анжу выступил против Вильгельма, а местная знать Мэна принесла клятвы верности Вальтеру. Когда нормандское войско приблизилось, Вальтер перебросил своих воинов из Вексина в Мэн, однако Вильгельм стал грабить деревни, захватил множество замков и осадил столицу граф-

⁵ См. подробнее: [Douglas 1953, pp. 526–45]; [Oleson 1957, p. 221–228].

⁶ Оригинал Петерборской рукописи был уничтожен при пожаре 1116 г., поэтому сохранившиеся рукописи основаны на копиях церковных записей до 1120 г. Первое продолжение 1122–1131 гг. содержит уникальные записи о событиях в районе Петерборо, а второе продолжение (1132–1154) описывает правление Генриха I и короля Стефана (Clark 1958, p. XI–XXI).

ства Мэн, вынудив Вальтера и Биоту сдаться (они умерли в 1063 г., вероятно, от яда). Завоевание Мэна не только помогло правителю Нормандии защитить южные границы своего герцогства, но и сыграло роль в успехе его завоевательного похода, предпринятого три года спустя. Аналогии между присоединением Мэна к нормандской короне и завоеванием Англии, возможно, подразумеваемые создателем Петерборской хроники (кончина бездетного правителя, династический кризис, поражение тех, кто безнадежно пытался оспорить права нормандского короля), едва ли могли остаться незамеченными средневековой аудиторией. Упоминание создателя Петерборской рукописи об экспансионистской политике короля Нормандии, расширяющего свои владения, можно истолковать как предвосхищение повествования о нападении того же правителя на соседнюю страну в 1066 г.

В анналах за 1066 г. имя Вильгельма появляется во всех манускриптах Хроники. Паркерская рукопись (A: Corpus Christi College, Cambridge MS 173 ff. 1–32) содержит самое краткое сообщение о нормандском завоевании: «Тогда скончался король Эдуард, и эрл Харольд наследовал королевство и правил им сорок недель и один день, и тогда пришел Вильгельм и завоевал землю англов. И тогда сгорела церковь Христа (*Крайст Чёрч в Кентербери*), и тогда появилась комета в день XIV календ мая (*18 апреля*)»⁷. Создатель Паркерской хроники помещает сообщение о нападении Вильгельма в контекст других трагических событий того же года (кончины короля Эдуарда Исповедника, кратковременного правления Харольда, пожара в церкви, появления кометы) и тем, как можно предположить, выражает свое отношение к завоеванию как к величайшему национальному бедствию.

Абингдонская рукопись (C: British Library, MS Cotton Tiberius B. I) упоминает о том, что брат Харольда Годвинсона Тости «тогда собрал такой большой флот и такое сухопутное войско, каких прежде не собирал ни один король в стране, ибо ему твердо сказали, что король Вильгельм из Нормандии, родич короля Эдуарда, хотел прибыть сюда и завоевать эту страну, как это впоследствии и произошло», затем подробно описывает сражение при Стэмфорд Бридж (25 сентября 1066 г.) и победу Харольда Годвинсона над Тости Годвинсоном и норвежским правителем Харальдом Суровым,

⁷ Здесь и далее текст Паркерской рукописи Хроники (MS A) цит. по: (The Anglo-Saxon Chronicle 1986): “Her forðferde Eaduuard king, 7 Harold eorl feng to ðam rice 7 heold hit .xl. wucena 7 ænne dæg, 7 her com Willelm 7 gewann Ængla land. 7 her on ðison geare barn Cristes cyrice. 7 her atiweðe cometa .xiii. kalendas MAI”.

но ничего не говорит о битве при Гастингсе. Упоминание о нормандском завоевании в Абингдонской рукописи Хроники содержится только в придаточном предложении (*swa hit syððan aeode* – «как это впоследствии случилось»), следующем за заявлением о намерениях Вильгельма завоевать Англию. Известие о завоевании помещено здесь в контекст рассказа о битве при Стэмфорд Бридж и победе Харольда Годвинсона, которому несколько недель спустя было суждено потерпеть поражение в битве при Гастингсе, прежде всего, потому что он не мог успеть вовремя перебросить войско с севера на юго-восток страны. Можно предположить, что исторический контекст, в котором сообщается о завоевании, содержит объяснение причины, по которой оно произошло: создатель Хроники, вероятно, подразумевает, что Вильгельму не удалось бы одержать победы, если бы Харольд Годвинсон успел вовремя собрать войско, разрозненное после разгрома Тости и Харальда Сурового, и дать ему надлежащий отпор.

Краткое сообщение о завоевании Вильгельма содержится и в Петерборской рукописи: «И в то время эрл Вильгельм явился в Гастингс в день Святого Михаила. И Харольд приехал с севера, и сразился с ним, до того как прибыло все его войско, и там он пал со своими двумя братьями, Гурдом и Леофвине. И Вильгельм завоевал эту страну, и отправился в Вестминстер, и архиепископ Альдред помазал его как короля; и люди платили ему дань, и давали заложников, и потом покупали свои земли». В отличие от Абингдонской рукописи, Петерборская хроника дает прямое указание на причину гибели Харольда и его братьев (они были вынуждены сражаться «до того, как прибыло все их войско» – *eag þan þe his here come eall*). В серии равноправных простых предложений, объединенных сочинительными союзами, создатель Петерборской рукописи повествует о коронации Вильгельма, помещая рассказ об этом событии в контекст тех бедственных последствий, которые оно имело для жизни завоеванного народа, – с людей стали требовать заложников, им пришлось платить дань и выкупать у норманнов свои же земли. Подобно Паркерской и Абингдонской рукописям, Петерборская хроника содержит нейтральное по тональности сообщение о событиях и не выражает их непосредственной оценки, однако контекстуальная причинно-следственная связь между коронацией Вильгельма и последовавшими за нею притеснениями народа не оставляет сомнений в отношении повествователя к перечисляемым им фактам.

По сравнению с Петерборской, Абингдонской и Паркерской хрониками, Вустерская рукопись (D: Cotton Tiberius B.iv) включает более подробное изображение нормандского завоевания,

которое можно условно разделить на три части. Первая часть содержит описание битвы при Гастингсе и заключается придаточным предложением “swa heom God ude for folces synnon” – «так попустил Господь по людским грехам», объясняющим причину поражения англосаксов. Вторая часть рассказывает о сопротивлении норманнам и завершается придаточным предложением “þa hit God betan nolde for urum synnum” – «тогда Господь ничего не исправил из-за наших грехов», акцентирующим оценку произошедшего. Третья повествует о коронации Вильгельма и выражает упование на перемену к лучшему: «Да будет хорошим конец, если на то будет Божья воля». Составитель Вустерской хроники объясняет разгром англосаксов в битве при Гастингсе греховным поведением людей и воздаянием за эти грехи и заключает свой рассказ о событиях 1066 г. оптимистическим пожеланием.

Вустерская рукопись оправдывает поражение англосаксов почти словами Петерборской хроники: «Тогда эрл Вильгельм прибыл из Нормандии в Певенси накануне праздника Святого Михаила, и как только они были готовы, построил укрепление в порту Гастингс. Тогда это стало известно королю Харольду, и он собрал великую рать и прибыл к нему навстречу у серого яблоневого дерева. И Вильгельм напал на него врасплох, до того как войско было выстроено для битвы. Но король тем не менее яростно сражался против него с теми воинами, которые хотели его поддержать, и было много убитых с обеих сторон. Там был убит король Харольд, и эрл Леофвине, его брат, и эрл Гюрд, его брат, и много хороших людей. И французы завладели этим местом битвы, как и попустил Господь из-за людских грехов». В Вустерской рукописи утверждается, что Вильгельм прибыл из Нормандии в Певенси накануне дня Святого Михаила, т. е. 29 сентября, а затем построил укрепление в порту Гастингс, который находится примерно в 10 милях от Певенси. Свидетельство Вустерской рукописи подкреплено рассказом Вильгельма из Пуатье: «Они все добрались до Певенси и свободно там высадились, не встречая никакого сопротивления. Очень радуясь тому, что благополучно пристали, норманны захватили и укрепили сначала Певенси, а затем Гастингс». Сообщение о месте высадки норманнов Вильгельма из Пуатье, вероятно, восходит к свидетельству Вустерской рукописи, – оба говорят о том, что норманны успели укрепить свои позиции до того, как прибыл Харольд.

Контекст Вустерской хроники подчеркивает, что Вильгельм неизменно действовал с опережением: Харольд собрал войско лишь *тогда*, когда ему стало известно (Dis wearð þa Harolde cunge gecydd) о действиях Вильгельма, т. е. после того, как тот возвел свои укрепления. Подобно Петерборской рукописи, Вустерская хроника

утверждает, что Вильгельм напал на Харольда *до того* (ær), как его войско было «построено» (глагол *ge-fylcian* значит «приводить войско в боевой порядок»), и добавляет, что нормандский правитель застал англосаксов «врасплох» (*unwær*). Составитель хроники скорбит о том, что «было много убитых с обеих сторон», а потом перечисляет главные потери англосаксов: «Там был убит король Харольд, и эрл Леофвине, его брат, и эрл Гюрд, его брат, и много хороших людей». Харольд заплатил за свое опоздание жизнью, причем не только своей, но и своих младших братьев: Леофвине, правившего Кентом, Эссексом, Миддлсексом, Хартфордом, Саррей и Бакингемширом [De Vries 1999, p. 115], и Гюрда, владевшего Восточной Англией, Кембриджширом и Оксфордширом [De Vries 1999, p. 114]. Упоминание о гибели трех могущественных братьев, контролировавших большую часть страны, в контексте победы Вильгельма дает понять читателям Вустерской рукописи, что все преграды для установления нормандской власти были устранены.

В Вустерской рукописи рассказывается о сопротивлении норманнам после битвы при Гастингсе: «Архиепископ Альдред и войско в Лондоне хотели, чтобы королем стал этелинг Эдгар, как это ему полагалось по рождению, и Эдвин и Моркар обещали ему, что будут сражаться за него, однако, как всегда, день ото дня становилось, чем позднее, тем хуже, когда нужно было бы действовать; и так все в конце и случилось. Эта битва произошла в день папы Калликста (14 октября). И эрл Вильгельм вновь отправился в Гастингс, и ждал там, чтобы узнать, подчинятся ли ему. Но когда он понял, что никто не хочет к нему явиться, он отправился в глубь страны со всем своим войском, которое у него осталось и которое прибыло к нему из-за моря, и разграбил всю ту область, через которую он прошел, пока не добрался до Беркхэмстеда. И тогда встретить его прибыл архиепископ Альдред и этелинг Эдгар, и эрл Эдвин, и эрл Моркар, и все лучшие люди из Лондона; и они подчинились по необходимости, когда уже был нанесен наихудший вред; – и было очень неразумно не сделать этого раньше, тогда Господь ничего не исправил из-за наших грехов; – и они дали заложников и принесли ему клятвы; и он обещал им, что будет им верным правителем. И все же в середине этого времени они разграбили все, через что прошли».

Составитель Вустерской рукописи рассказывает о главном претенденте на престол (и, следовательно, основном сопернике Вильгельма) Эдгаре Этелинге, сыне Эдуарда Изгнанника, покинувшего Англию в 1016 г. вместе со своим братом Эдмундом после того, как был убит их отец король Эдмунд Железнобокий и английский престол перешел к датскому правителю Кнуту Могучему. Из хроники Вильгельма Мальмсберийского известно, что король Эдуард

Исповедник, не имевший прямых наследников, пригласил Эдуарда Изгнанника вернуться на родину (Mynors 1998, p. 228). Иоанн Вустерский был уверен в том, что Эдуард Исповедник призвал своего племянника для того, что передать ему престол: «Ибо король решил назначить его своим преемником и наследником короны» (Darlington 1995, p. 582). Король прислал приглашение Эдуарду Изгнаннику в 1054 г., однако по неизвестным причинам его приезд в Англию был отложен на три года. Вернувшись в Англию, Эдуард Изгнанник не смог увидеть своего дядю короля Эдуарда Исповедника, потому что умер или, как намекает создатель Вустерской хроники (sub anno 1057), был убит. Его кончина вызвала, как сказано в записи, горе «всего этого народа» (eallre pissere feode), которым он был предназначен править. Сын Эдуарда Изгнанника Эдгар Этелинг, которому было всего 14 лет, когда скончался его отец, вместе со своей матерью Агатой и сестрами Маргаритой и Кристиной оставался в Англии до самого нормандского завоевания, возможно, в надежде, что однажды станет королем. Однако у Эдгара Этелинга и его матери-чужестранки было недостаточно сторонников в Англии, чтобы бороться с другими претендентами на престол, особенно с могущественным Харольдом Годвинсоном. После гибели Харольда сын Эдуарда Изгнанника юный Эдгар Этелинг стал законным наследником престола, и именно он был избран королем на собрании старейшин в Лондоне. Хотя до наших дней не дошло сведений о его коронации, в Петерборской рукописи (sub anno 1066 г.) говорится о том, что «к Эдгару Этелингу был послан» (ond senden him þa to Ædgar ædeling) для утверждения новый епископ Петерборо, «ибо местные люди ожидали, что он (*Эдгар*) будет королем, и этелинг с радостью дал на то свое согласие» (fordan þet þe landfolc wendon þæt he sceolde cyng wurden, ond se ædeling hit him geatte þa bliþolice). Весь север Англии почитал Эдгара как законно избранного короля и преемника уэссекской династии, хотя официально ему была дана только власть над Йорком. Как известно, королем стал Вильгельм Завоеватель, который, согласно Вильгельму из Пуатье, обращался с Эдгаром как с «одним из самых дорогих соратников» (Davis 1998, p. 161–163), воздавал ему надлежащие почести и жаловал земли.

О коронации Вильгельма сообщает третья часть Вустерской рукописи за 1066 г.: «Затем в день зимнего солнцестояния (22 декабря) архиепископ Альдред помазал его в короли в Вестминстере, и он положил свою руку на книгу Христа и также поклялся, прежде чем он (*Альдред*) возложит корону на его голову, что он будет заботиться об этом народе так хорошо, как это делали лучшие из королей до него, если они будут ему верны. Несмотря на это, он обложил людей очень жестким налогом, и затем весной отправился по морю

в Нормандию, и взял с собой архиепископа Стиганда, и Этельнота, аббата в Гластонбэри, и этелинга Эдгара, и эрла Эдвина, эрла Моркара, и эрла Вальхтеова и много других хороших людей из Англии. И епископа Одо и эрла Вильгельма оставили на месте, и они строили замки по всей стране, и притесняли бедных людей, а потом стало еще хуже. Да будет хорошим конец, если на то будет Божья воля». Третья часть записи подразумевает контраст: за коронационной клятвой Вильгельма в том, что он будет заботиться о завоеванном им народе, как лучший из королей, следует противительный союз *Swa feah* – «однако, несмотря на», предвещающий сообщение составителя Вустерской рукописи о том, что он «обложил людей очень жестоким налогом». Контекст, в котором говорится о коронации, подразумевает нарушение клятвы короля, как только он вззошел на престол: Вильгельм недолго оставался в Англии после коронации, однако его наместники начали притеснять бедных людей. Уезжая в Нормандию, Вильгельм проявил редкостную дальновидность и забрал с собой всех, кто мог бы составить ему конкуренцию в борьбе за престол, т. е. не только Эдгара Этелинга, но и нортумбрийских правителей Эдвина и Моркара, сестра которых состояла в браке с последним английским королем Харольдом Годвинсоном, убитым в битве при Гастингсе.

Создатель Вустерской рукописи, которая содержит единственный сохранившийся в английских источниках рассказ о битве, вероятно, составленный современником происходящих событий, видит в победе норманнов наказание Господа за людские грехи. Более поздние нормандские хронисты⁸, в частности Вильгельм Малмсберийский, говорят о том, что поражение англосаксов было закономерным следствием падения их нравов: они были привычны «к маленьким убогим домам», а норманны, напротив, жили умеренно «в гордых, больших зданиях» (*parius et abiectis domibus... amplis et superbis ediftiis*, – Mynors 1998, p. 458–459); англичане предавались «безудержной ярости», а норманны изучали «военную науку» (*hinc factum est ut, magis temeritate et furore precipiti quam scientia militari*, – Mynors 1998, p. 458–459). Вильгельм Малмсберийский не скрывает разрушительных последствий завоевания для корен-

⁸Описание битвы при Гастингсе дают нормандские источники: анонимная поэма, состоящая из 835 строк, из которых 262 строки посвящены рассказу о битве (Barlow 1999); Вильгельм Пуатье (Davis 1998, p. 128–133); Вильгельм Жюмьезский (Van Houts 1992, p. 168–169); Ордерик (Van Houts 1992, p. 176–177), Вильгельм Малмсберийский (Mynors 1998, p. 456), а также гобелен из Байо. См. подробнее: (Douglas 1981, p. 228–246); [Morillo 1994, p. 163–168].

ного населения, когда описывает состояние Йорка в 1069 г.: «Что же касается городов, которые однажды были столь знаменитыми, чьи башни своей высотой грозили небесам, поля были богаты пастбищами и орошаемы реками, то, увидев их, чужеземец вздохнет; а если он коренной уроженец, который пережил прошлое, то не сможет узнать их»⁹. Ордерик Виталий тоже осуждает жестокость (*crudelitas*), проявленную Вильгельмом на севере Англии, замечая, что тот действовал под влиянием гнева (*ira*) против восставших: Вильгельм «постыдно предался этому пороку», когда «не пожелал обуздать свой гнев и в наказание убил и невинных, и виновных»¹⁰. Из англо-нормандских источников известно, что спустя десятилетие после завоевания восстания против Вильгельма были жестоко подавлены, положение нормандской знати в Англии упрочилось, а национальный состав духовенства был изменен на исключительно нормандский.

Последние годы Завоевателя были омрачены угрозами скандинавского вторжения в Англию, войнами в Нормандии, мятежами старшего сына Роберта Куртгёза. Вильгельм умер в сентябре 1087 г. во время военных действий в северной Франции, завещав Англию своему среднему сыну Вильгельму Руфусу (Нормандия досталась старшему сыну Роберту Куртгёзу). Описаний кончины Вильгельма сохранилось немного: Вильгельм Жюмьежский и Вильгельм Пуатье прекратили писать задолго до кончины короля, а Вильгельм Малмсберийский и другие англо-нормандские историки, скорее всего, использовали свидетельства Ордерика. Сам Ордерик, писавший в начале 30-х годов XII в., возможно, опирался на показания очевидцев, которые присутствовали в Кане на похоронах короля. Ордерик рассказывает, что Вильгельм заболел во время кампании на южных границах нормандского герцогства, вернулся в Руан и приказал, чтобы его перенесли в монастырь Сент-Жерве на западной окраине города, так как его беспокоил городской шум (*Chibnall IV*, р. 78–81). Переезд короля, как считает Ордерик, был вызван тем, что тот уже был не в состоянии управлять страной и хотел приготовить душу к переходу в иной мир. По свидетельству Ордерика, тело Вильгельма было перевезено в Кан по Сене; его сопровождал

⁹ «*Urbes olim preclaras, turres proceritate sua in caelum minantes, agros laetos pascuis, irriguos fluuiis, si quis modo uidet peregrinus, ingemit; si quis superest uetus incola, non agnoscit*» (Mynors 1998, p. 464–465).

¹⁰ Здесь и далее текст Ордерика цит. по: *Chibnall 1969–1980*, римская цифра указывает номер тома: «*Nusquam tanta crudelitate usus est Guillelmus. Hic turpiter vitio succubuit, dum iram suam regere contempsit, et reos innocuosque pari animadversione peremit*» (*Chibnall II*, p. 230–232).

рыцарь по имени Херлуин, который был единственным человеком, позаботившимся о бранных останках короля; остальные слуги покинули его, чтобы упрочить свое положение при новом правителе; а те, кто направлялись в Руан, повернули назад в свои владения, дабы оградить их от посягательств соседей (Chibnall IV, p. 82–109). Ордерик повествует, как известие о смерти Вильгельма распространилось горожанами Руана; местное духовенство «в облачениях с крестами и с кадилами» (*processionem ordinauerunt, honeste indutis cum crucibus et thuribulis* – Chibnall IV, 102–103) проследовало в монастырь Сент-Жерве; и в Кане собрались аббаты соседних монастырей и епископы, чтобы присутствовать на похоронах короля. В рассказе Ордерика описывается реакция горожан на кончину короля, их ужас и растерянность (*ualde territi sunt* – Chibnall IV, p. 102–103), предвещающие тот хаос, который наступил в стране во время недолгого правления сына почившего.

Рассказ о кончине Вильгельма в анналах Петерборской летописи, которые описывают события 1086 и 1087 гг. (однако помечены 1086 г.), очевидно, представляют собой наиболее раннее свидетельство современника и предшествуют повествованию Ордерика. Текст записи датируется не только благодаря указанию в рукописи, но и потому, что содержит временные ориентиры правления короля (21-й год его царствования) и помещает его в контекст надмирной истории (одна тысяча восемьдесят семь лет, прошедшие с Рождества Иисуса Христа). Запись за этот год характеризовали как «книжный, ученый отклик на унаследованную культуру английской письменности до завоевания» [Lerer 1999, p. 12] и считали ее «наилучшей оценкой характера и достижений Вильгельма, данной достаточно объективным англичанином» [Whiting 1949, p. 89].

Можно заметить, что для анналов за 1086–1087 гг. характерна строгая организация: в первой части, создающей исторический контекст для описания основного события, идет речь о природных катаклизмах и бедственных событиях в Англии в 1086–1087 гг.; во второй части осуждаются несправедливые нравы и алчность Вильгельма и говорится о его преступлениях против церкви; в третьей части рассказывается о его кончине; в четвертой части дается его характеристика, сначала как человека, затем как правителя; наконец, последняя часть содержит поэтическую вставку, суммирующую все сказанное в прозе. Таким образом, семантический центр записи – рассказ о кончине короля – занимает центральный раздел анналов, обрамляемый двумя симметричными частями.

Первая часть анналов, состоящая из двух соподчиненных разделов (за 1086 и 1087 гг.), повествует о **бедствиях в Англии**: «(1086). И этот самый год выдался крайне тяжелым. И заставил

много трудиться, и был очень горестным годом в Англии, и был падеж скота. И зерно, и урожаи остались неубранными. И была такая неблагоприятная погода, что нельзя было себе и представить. И были такие сильные грозы и молнии, что убили много народа. И все для людей становилось хуже и хуже. Да улучшит это Всемогуший Господь, когда будет на то Его воля!» В первом разделе записи за 1086 г. идет речь о природных катаклизмах и их пагубном воздействии на людей; он завершается молитвенным обращением к Богу с мольбой о помощи.

Второй раздел описывает несчастья, случившиеся в 1087 г.: «После того, как минуло одна тысяча восемьдесят семь зим после Рождества Господа нашего Иисуса Христа, пришел двадцать первый год, как Вильгельм владел и правил Англией, как Господь ему попустил, и он выдался очень тяжелым и пагубным в этой стране. Такая болезнь напала на народ, что почти каждого второго человека поразила наихудшая немощь, то есть эта лихорадка, да так сильно, что многие люди умерли от этой пагубы. Потом из-за очень сильной непогоды, которая приключилась, как мы уже говорили раньше, на всю Англию обрушился такой сильный голод, что много сотен людей истребила ужасная смерть от этого голода. Увы! Какое горестное и какое печальное время это было! Тогда несчастные люди лежали почти доведенные до смерти. И потом пришел страшный голод и совсем их уничтожил. Кто может не горевать о таком времени? Или у кого такое жестокое сердце, что он может не плакать о таком горе? Но такие вещи случаются из-за людских грехов, потому что они не любят Господа и праведность. Так было в те дни, когда было мало праведности в этой стране в любом человеке, за исключением разве что монахов, там, где они хорошо себя вели».

Составитель записи эксплицитно не приписывает несчастья людей злой воле их правителя, однако несомненно подразумевает причинно-следственную связь. Он задает временной ориентир бедствиям, обрушившимся на страну, соотнося их с властью Вильгельма. Утверждая, что двадцать первый год правления короля, которое «Господь ему попустил» (*swa him God ude*), выдался «очень тяжелым и пагубным», создатель рукописи изображает его как наказание от Бога. Нельзя не заметить нарастающей эмоциональности тона в первой части: если в начальном разделе речь идет о природных явлениях (непогоде, грозах, молниях, падеже скота, неурожае), то во второй части говорится о бедствиях людей (эпидемиях, во время которых погибает каждый второй, смертельных болезнях и голоде). Повышенную экспрессивность записи сообщает и авторское вторжение составителя Хроники (*swa we beforan tealdon* – «как мы уже говорили раньше»), и использование рито-

рических приемов: повторов ключевых слов, обозначающих наиболее семантически важные понятия (yfel – «зло», hungor – «голод», deað – «смерть», rihtwisnesse – «праведность»), восклицаний (Eala hu earmlice 7 hu reowlic tid wæs ða! – «Увы! Какое горестное и какое печальное время было тогда!») и риторических вопросов (Hwam ne mæg earmian swylcere tide? Oððe hwa is swa heardheort þæt ne mæg wepan swylces ungelimpes? – «Кто может не горевать о таком времени? Или у кого такое жестокое сердце, что он может не плакать о таких горестях?»). Составитель Хроники предлагает читателям сострадать погибающим жертвам и плакать вместе с ним, объясняя, что страшные наказания посланы народу за его грехи и отступления от праведности. Единственными благочестивыми людьми в стране называются монахи, что позволяет высказать предположение о принадлежности создателя записи монастырским кругам.

Во второй части анналов за 1087 г. рассказывается о **неправедных нравах и алчности Вильгельма**: «Король и главные люди очень любили и слишком сильно алкали золота и серебра и совсем не заботились, насколько греховным путем оно было добыто, только бы его получить. Король дорого продавал свои земли, так дорого, как только мог. Тогда приходил другой и предлагал больше, чем тот, что был раньше. И король отдавал тем людям, которые предлагали больше. Тогда являлся третий и сулил еще больше. И король отдавал в руки тем людям, которые предлагали ему больше всех, и не заботился о том, сколь греховно судьи взымали это у несчастных людей, и как много неправедных поступков они совершали, но чем больше говорили о справедливых законах, тем больше незаконных дел они вершили. Они облагали несправедливыми налогами и совершали много других неправедных поступков, о которых трудно рассказать». Если в первой части неурожаи, падеж скота, несчастия, болезни и голод имплицитно ассоциировались с правлением Вильгельма, то вторая часть устанавливает эксплицитную связь между происходящим в стране и ответственностью монарха. События, на первый взгляд объективно излагаемые рассказчиком, служат развенчанию образа правителя, свидетельствуя о его алчности, корыстолюбии и беззаконии. Ключевыми словами становятся слова unriht – «несправедливость», unlagu – «беззаконие», synlice – «греховно», каждое из которых несколько раз воспроизводится в этой части записи. Составитель анналов, несомненно, подразумевает, что неправедность правителя стала главной причиной людских несчастий.

Осуждение незаконных действий Вильгельма ведет к рассказу о его **преступлениях против церкви**, которые образуют второй раздел второй части: «Также в тот же год перед самым урожаем

сгорела святая церковь Святого Павла с епископским престолом в Лондоне, и много других монастырских церквей, и самая большая и наилучшая часть во всем городе. В это самое время сгорел почти каждый крупный город по всей Англии. Увы, горестное и плачевное время наступило в тот год, которое принесло много несчастий! В тот же год, перед Успением Пресвятой Девы Марии, отправился король Вильгельм из Нормандии во Францию с войском и напал на своего господина, короля Филиппа, и убил большую часть его людей. И сжег город Мант¹² и все святые церкви, которые находились внутри города¹³. И там сгорели двое святых людей, которые служили Господу, живя в кельях отшельников». Следует обратить внимание на стилистическое сходство заключительного раздела второй части и окончания первой части: в обоих разделах используются повторы (*halig* – «святой», *forbarn* – «сгорел», *forbearnde* – «сгоревшие») и восклицания («Увы, горестное и плачевное время наступило в тот год...» – *Eala reowlic 7 wependlic tid wæs þæs geares...*). Тем не менее повышенная эмоциональность во второй части достигается скорее средствами семантики, чем риторики. Составителю Хроники достаточно заключить раздел сообщением о заживо сгоревших святых отшельниках, чтобы вызвать сострадание у аудитории и добиться осуждения несправедного короля.

За повествованием о преступлениях против церкви закономерно следует рассказ о **смерти короля**, которой посвящен центральный раздел анналов: «Сделав это, король Вильгельм вновь повернул в Нормандию. Он совершил ужасный поступок, и нечто более ужасное совершилось с ним. Как более ужасное? Он заболел, и это его сильно мучило. Что я могу сказать? Страшная смерть, которая не щадит ни могущественных, ни бедных, – она забрала его. Он скончался в Нормандии в день, последовавший за Рождеством Святой Марии (9 сентября), и был похоронен в Кане в соборе Святого Стефана, который он ранее построил и впоследствии наделял разнообразными пожертвованиями. Увы, как ложно и ненадежно изобилие в этом мире! У того, кто прежде был богатым королем и господином многих земель, не осталось никакой земли, кроме семи футов. И тот, кто был прежде одет в золото и драгоценности, лежал тогда, укрытый землей. Он оставил после себя трех сыно-

¹² Во время похода Вильгельма в Вексен был сожжен Мант (совр. Мант-ла-Жоли, Mantes-la-Jolie).

¹³ О пожаре в Манте и о том, что во время него погибло много людей, пишет Ордерик Виталис (Chibnall IV, p. 78–81), который упоминает, что Вильгельм раскаялся на смертном одре и попытался возместить ущерб, который был им причинен, отдав приказ восстановить сожженные церкви.

вей. Старшего звали Роберт, тот потом после него стал герцогом в Нормандии. Другого звали Вильгельмом, тот после него носил королевскую корону в Англии. Третьего звали Генрихом, тому отец завещал неисчислимые сокровища».

Эмоциональность тона рассказчика в повествовании о кончине Вильгельма повышается по сравнению с предшествующими разделами. В рассказе о кончине короля чаще встречаются и риторические вопросы («Как более ужасное?» – “Hu reowlicor?”), и авторские вторжения в первом лице («Что я могу сказать?» – «Hwæt mæg ic teollan?»), и восклицания («Увы, как ложно и ненадежно изобилие в этом мире!» – “Eala, hu leas 7 hu unwrest is þysse mid-daneardes wela!”), и повторы («Он совершил ужасный поступок, и нечто более ужасное совершилось с ним. Как более ужасное?» – “**Reowlic** þing he dyde. 7 **reowlicor** him gelamp. Hu **reowlicor**?”), подобные тем, которые использовались в первых частях. Особую экспрессивность центральной части записи передают контрасты в сочетании с параллелизмами («У того, кто прежде был богатым королем и господином многих стран, у него не осталось никакой земли, кроме семи футов. И тот, кто был временами одет в золото и драгоценности, лежал тогда, укрытый землей» – Se þe wæs ærur rice cyng. 7 maniges landes hlaford. he næfde þa ealles landes buton seofon fot mæl. 7 se þe wæs hwilon gescrid mid golde. 7 mid gimum. he læg þa oferwrogen mid moldan; «Страшная смерть, которая не щадит ни могущественных, ни бедных, – она забрала его» – Se scearpa deað þe ne forlet ne rice menn. ne heane. seo hine genam). Не только тематика (наказание за несправедливость и особенно за преступления против церкви), но и стилистика этой части записи роднит ее с устными гомилетическими жанрами, которые основаны на употреблении тех же риторических приемов: повторов ключевых слов, восклицаний, риторических вопросов, параллелизмов частных примеров и обобщающих максим.

Рассказ о кончине короля мотивирует создание «объективной» **характеристики Вильгельма** как человека и как правителя: «Если кто-то захочет узнать, каким он был человеком, или какие почести ему воздавались, или скольким землям он был господин, тогда мы напишем о нем так, как мы, которые сами его видели и некогда жили при его дворе, его воспринимали. Король Вильгельм, о котором мы говорим, был очень мудрым человеком, и очень могущественным, и более достойным и более сильным, чем любой из его предшественников. Он был добр к тем хорошим людям, которые любили Господа, и суровым без меры к тем, кто противился его воле». В характеристике Вильгельма неожиданно появляется прямое авторское вмешательство в текст повествования, рассказывающее

о самом составителе анналов: *Ponne wille we be him awritan swa swa we hine ageaton, Ðe him on locodon an ore on his hirede weredon* – «тогда мы напишем о нем так, как мы, которые сами его видели и некогда жили при его дворе, его воспринимали». Предполагалось, что в этих строках содержатся биографические детали, которые сообщает о себе создатель записи о Вильгельме: его причисляли к королевским придворным или к дворцовой челяди¹⁴.

Однако возможно и другое объяснение авторского вторжения в текст Хроники. Нельзя не заметить изменения тональности и содержания записи: тон повествователя внезапно меняется на хвалебный, а образ Вильгельма в противоречии с предыдущими утверждениями получает положительную оценку: он оказывается не только «мудрым и могущественным», но и более достойным и более сильным, чем любой из его предшественников. Составитель Хроники, вероятно, нуждается в обосновании неожиданной перемены в создании образа, поэтому начинает панегирическую часть с авторского вторжения, т. е. обосновывает изменение тона тем, что он сам видел и знал правителя, так как принадлежал к его свите. Отдельные формульные фразеологизмы в записи за 1087 г. встречаются и в характеристиках королей или знатных людей в сагах (в «Саге о Ньяле» о Снорри Годи сказано: «Снорри был самым мудрым человеком в Исландии из тех, у кого не было дара предвидения, он был добр к своим друзьям, но суров к недругам» – *Snorri var vitrastr maðr á Íslandi, þeirra er eigi voru forspáir, hann var góðr vinum sínum, en grimmr óvinum, Brennu-Njáls saga, kap. 114*; в «Саге о плаще» о короле Артуре говорится, что он был «добрым с хорошими, суровым с плохими» – *mjúklyndur góðum, harður illum, Möttuls saga, kap. 1*), и в рассказах англосаксонских проповедников, в частности Вульфстана, об обязанностях правителей («и по справедливости он должен быть одновременно милостивым и суровым: милостивым к добрым и суровым – к злым»¹⁵). Следовательно, трудно представить себе, что в авторском вторжении в Хронику можно видеть нечто более, чем освященный традицией риторический прием.

Если во второй части анналов за 1087 г., предшествующей описанию кончины Вильгельма, шла речь о его преступлениях против церкви, то в характеристике короля внезапно появляются упоминания о его благих делах по отношению к церкви: «На том самом месте, где Господь попустил ему завоевать Англию, он воз-

¹⁴ “The one definite piece of information which he gives is that he was a member of William’s household” [Whiting 1949, p. 91–92].

¹⁵ Текст цит. по: [Jost 1959]; перевод см.: [Swanton 1975, p. 125].

двиг знаменитую монастырскую церковь, и поселил туда монахов, и внес пожертвования. В его дни был построен знаменитый собор в Кентерберии и также много других по всей Англии. Кроме того, эта страна была обильно заселена монахами, и они жили по правилу Святого Бенедикта, и Христианство было таковым в его дни, что каждый человек, который хотел, следовал тому, что было присуще его ордену. Он также был весьма достойным, он надевал свою королевскую корону три раза каждый год, так часто, как бывал в Англии. На Пасху он носил ее в Винчестере, на Пятидесятницу – в Вестминстере, в середине зимы – в Глостере, и тогда с ним были все могущественные мужи из всей Англии: архиепископы и епископы диоцез, аббаты и эрлы, таны и рыцари». Характеристика Вильгельма, следующая за описанием его кончины, противоречит начальным частям анналов, в которых говорилось о том, что во время правления нормандского короля церкви сжигали. В Петербургской рукописи упоминается о строительстве собора в Кентерберии и основании аббатства в Гастингсе в знак покаяния в кровопролитии (известно, что Вильгельм настоял, чтобы алтарь в главном храме аббатства был воздвигнут на месте гибели Харольда Годвинсона¹⁶). Тем не менее составитель записи немного может сказать о достойном поведении короля: лишь то, что он трижды в год надевал корону, причем неизменно в окружении епископов и другого церковного причта.

Продолжение записи противоречит утверждению о добрых отношениях короля с духовенством и свидетельствует о его суровом и не всегда справедливом обращении с епископами и наместниками аббатств: «Он был также весьма суровым и гневливым, так что никто не осмеливался сказать ему ничего против его воли; он налагал оковы на эрлов, которые шли против его веления; он изгонял епископов из их епархий и аббатов – из их аббатств, а танов он ввергал в тюрьмы; и наконец не пощадил и своего брата по имени Одо. Тот был могущественным епископом в Нормандии, его епископский престол находился в Байо, и он был первым человеком после ко-

¹⁶ Об этом приказании Вильгельма рассказывается в «Хронике Аббатства»: *“Iactis ergo tandem fundamentis prestantissimi ut tunc temporis habebatur operis, secundum regis statutum altare maius in eodem loco quo regis Haraldi signum, quod ‘standard’ uocant, corruisse uisum est, prouide statuunt”* – «И так наконец основание было заложено тому, что в те дни считалось самым выдающимся зданием, и они благоразумно возвели другой больший алтарь, по повелению короля, в том самом месте, где упало, как видели, знамя короля Харальда, которое называется его штандартом» (Searle 1980, p. 46).

роля. У него было в Англии графство, и когда король находился в Нормандии, он был господином в этой стране. И его посадили в тюрьму». Епископ Одо приходился Вильгельму единоутробным братом (оба были сыновьями Эрлевы), владел графством Кент и был фактическим наместником короля, правившим Англией в те годы, когда Вильгельм уезжал в Нормандию. Именно он благословил нормандские рати перед битвой при Гастингсе, в которой сам принимал участие, был верховным судьей, возглавлял королевские войска и жестоко подавлял любое сопротивление англосаксов верховной власти. Причиной заточения Одо в 1082 г., продлившегося пять лет, был планируемый им военный поход в Италию; он был безжалостно лишен титулов и званий, а его владения были конфискованы королем и возвращены лишь в 1087 г. Судя по тону записи, жестокое обращение Вильгельма с братом вызывает неодобрение составителя рукописи.

Утверждению о суровости и гневливости (*“stearc man 7 wraþe”*), проявленной Вильгельмом в обращении с епископом Одо, противоречит продолжение анналов за 1087 г., в котором составитель Хроники вновь изменяет тональность и рассказывает о справедливости короля: «Что касается других вещей, то тот добрый порядок, который он установил в стране, никогда не будет забыт, ведь любой человек мог беспрепятственно путешествовать по всему его королевству с мощной, набитой золотом; и никакой человек не осмеливался убить другого, какое бы великое зло тот ему ни учинил. И если какой-то человек насиловал женщину против ее воли, он немедленно лишался тех членов, которыми забавлялся». Возможно, изменение тональности с негативной на положительную послужило основанием для некоторых исследователей отнести весь текст анналов за 1087 г. к хвалебным, назвав его «гомилетическим панегириком» [Jurasinski 2004, p. 131]. Однако даже в этой наименее критической части записи утверждение составителя рукописи трудно воспринять буквально; ведь если жители страны были вынуждены терпеть любое «великое зло» (*mycel yfel*), то порядок в этих землях едва ли можно назвать *gode frið* – «добрым миром». Нельзя исключать, что составитель рукописи намеренно ввел в свой рассказ аллюзию на «Церковную историю англов» Беда Достопочтенного (гл. 16), в которой та же формула встречается в рассказе о временах короля Эдвина Нортумбрийского: «женщина могла пройти с новорожденным младенцем от побережья до побережья безо всякого вреда для себя». Та же формула употребляется и в анналах Петерборской рукописи за 1135 г. в описании правления короля Генриха I (1100–1135 гг.), о котором сказано, что в те времена человек мог беспрепятственно «пронести через всю страну мешок с золотом». Можно предполо-

жить, что составитель анналов за 1087 г. использовал формульное описание идеального правления, поместив его в контекст критического повествования о временах Вильгельма и ожидая ироническое отношение читателя к высказываемой «хвале».

Окончание прозаической записи за 1087 г. тоже содержит, возможно, намеренное контекстуальное противоречие: «Он правил Англией и благодаря своей проницательности так ее изучил, что не было ни одного гайда земли в Англии, о котором он не знал, кому тот принадлежит и сколько стоит, и не поместил бы его в свою перепись. Уэльс был у него во власти, и он строил там замки и полностью подчинил тамошнее население. И Шотландию он также сделал своим владением благодаря своей великой силе. Нормандия была той страной, которая принадлежала ему по праву рождения, и он правил графством, которое называлось Мэн. И если бы он прожил еще два года, то он завоевал бы Ирландию благодаря своей предусмотрительности и без всякого оружия. Поистине в его время люди много трудились и терпели много оскорблений». Сообщая о составлении «его переписи» (*his gewrit*), создатель Хроники имеет в виду знаменитую Книгу Судного Дня (*Domesday Book*), первый в Европе свод всеобщей поземельной переписи населения, проведенный в Англии по приказу Вильгельма за год до его смерти. Перепись включала всех землевладельцев, церковных и светских, всех крестьян, площадь земельного владения в гайдах, размеры пастбищ, лугов и лесов в поместьях, их стоимость. Упоминание о переписи, благодаря которой «не было ни одного гайда земли в Англии, о котором он (король) не знал, кому тот принадлежит и сколько стоит», рассматривается в Хронике как свидетельство, казалось бы, положительных качеств Вильгельма: его *gearscipe* – «проницательности» (однако не исключаяющей также хитрость и коварство) и *werscipe* – «благоразумия, предусмотрительности» (но допускающей осторожность и расчетливость). Однако окончание этой части анналов говорит о том, что от их составителя не были скрыты истинные задачи переписи, отвечавшей стремлению короля оценить возможные источники доходов в казну. Для его подданных, выносивших «много окорблений» (*manige teonan*), эпоха правления проницательного и расчетливого короля оказалась особенно тяжелой.

Если в прозаической части анналов, несмотря на всю их противоречивость, упоминались немногие добродетели короля, то в поэтической вставке, которую они предваряют, тональность возвращается к первым частям записи за 1086–1087 гг., предшествующим описанию королевской кончины. Составитель Хроники опускает обычное вступление, содержащее временной ориентир («в этот год») и начинает свою поэму *in medias res*:

1	Castelas he let wyrcean,	Замки повелевал он строить,
2	ond earme men swiðe swencean .	и бедные люди много работали.
3	Se cyng wæs swa swiðe stearc ,	Король был весьма суров
4	ond benam of his underpeoddan manig marc goldes	и отобрал у своих подчиненных много
5	ond ma hundred punda seolfres.	марок золота и сотни фунтов серебра.
6	ðet he nam be wihte	Это он брал с людей
7	ond mid micelan unrihte	совершенно несправедливо,
8	of his landleode,	с народа своей страны
9	for litte[]re neode .	без всякой необходимости.
10	He wæs on gitsunge befeallan ,	Его обуюла жадность,
11	ond grædinasse he lufode mid ealle .	и он возлюбил алчность превыше всего.
12	He sætte mycel deorfrið,	Он устроил большие угоды для зверей
13	ond he lægde laga þærwið	и установил при этом законы:
14	þet swa hwa swa sloge heort oððe hinde ,	если кто-то убьет оленя или лань,
15	þet hine man sceolde blendian .	то тот человек будет ослеплен.
16	He forbæd þa heortas,	Он запретил охоту на оленей,
17	swylce eac þa baras .	и также на вепрей.
18	Swa swiðe he lufode þa headeor	Он так сильно любил лесных зверей,
19	swilce he wære heora fæder .	как будто был их отцом.
20	Eac he sætte be þam haran	Он также постановил так для зайцев,
21	þet hi mosten freo faran .	чтобы они могли бегать свободно.
22	His rice men hit mændon ,	Его могущественные люди жаловались
23	ond þa earme men hit beceorodan ;	на это, и бедные люди об этом горевали;
24	ac he [wæs] swa stið	Но он был столь суров,
25	þet he ne rohte heora eallra nið .	что не заботился о всех их нуждах.
26	Ac hi moston mid ealle	Однако они должны были во всем
27	þes cynges wille folgian,	следовать воле короля,
28	gif hi woldon libban ,	если хотели жить,
29	oððe land habban ,	или владеть землями,
30	land oððe eahta ,	землями или имуществом,
31	oððe wel his sehta .	или его добрым расположением.
32	Walawa, þet ænig man	Горе, когда какой-нибудь человек
33	sceolde modigan swa,	так возгордится,
34	hine sylf upp ahebban	и себя возвысит,
35	ond ofer ealle men tellan .	и вознесется выше всех людей.
36	Se ælmihtiga God cyððe his saule	Пусть всемогущий Господь проявит
	mildheortnisse ,	к его душе милосердие
37	ond do him his synna forgifenesse !	и дарует ему прощение за его грехи!

Издатели по-разному определяют длину поэмы (от 17 до 32 строк), а нередко и вовсе исключают ее из изданий поэтического корпуса (она знаменательно отсутствует в наиболее авторитетном шеститомном собрании англосаксонской поэзии, – Krapp, Dobbie 1931–1953). Как поэтическое произведение, этот текст не высоко оценивается исследователями и редко привлекает их внимание (по справедливому замечанию одного из ученых, «мы до сих пор мало

знаем об этой поэме XI в.» [Jurasinski 2004, p. 131]), хотя и считается пригодным для того, чтобы использовать его орфографию в определении морфологических особенностей древнеанглийских памятников¹⁷. Поэму критикуют за «отсутствие технического мастерства», за внезапный перескок от прозы к «небрежным, наспех скроенным стихам» [Whiting 1949, p. 89]. В ней видят «неудачную попытку сочинить рифмованную поэзию», отказывая ее создателю в умении соблюсти «регулярный метр, формальную разбивку на строки, внятную образность» [Lerer 1999, p. 7]. Эту критику едва ли можно считать справедливой, особенно если принять во внимание то, что поэма о Вильгельме представляет собой один из первых образцов рифмованного английского стиха [Матюшина 2007, с. 68–69].

В поэме отсутствует поэтическая лексика, встречается всего шесть сложных слов, причем все они образованы по продуктивным моделям и имеют прозрачную внутреннюю форму: *landleode* – «люди страны», *underþeodan* – «подвластный народ», *head-eor* – «лесные звери», *deorfrīð* – «угодья для оленей», *ælmihtiga* – «Всемогущий», *mildheortnisse* – «милосердие». Синтаксическая организация поэмы крайне проста: в ней употребляются преимущественно простые предложения, объединенные союзом «и»: «он повелевал строить замки, и бедные люди много трудились. Король был весьма суров и отобрал у своих подданных много марок». Рифмовка в стихотворении соблюдается регулярно, применяется и суффиксальная рифма (*wyrcean* : *swencean*), и корневая (*leode* : *þeode*; *wihte* : *unrihte*), и объединяющая корневое созвучие с созвучием заударных слогов (*haran* : *faran*), причем, как видно из приведенных примеров, достаточно точная. Помимо рифмы, в стихотворении используется орнаментальная аллитерация, однако очень редко в организующей функции, характерной для классического аллитерационного стиха: лишь в единичном случае аллитерация, которая возникает благодаря лексемному повтору (**men**), объединяет две краткие строки в одну долгую: *His rice men hit mændon, / ond þa earme men hit beceorodan* – «Его богатые люди жаловались на это, и бедные люди горевали». Аллитерация обычно применяется здесь в кульминативной функции, выделяя наиболее семантически важные слова в строке (например, *lægde laga* – «установил законы», *heort oððe hind* – «олень или лань», *freo fara* – «свободно бегать»)¹⁸.

¹⁷ Редукция финального “n” в поэме считается признаком отпадения окончаний при переходе от древнеанглийского к среднеанглийскому периоду [Whiting 1949, p. 89].

¹⁸ О кульминативной и связующей функциях аллитерации в классическом аллитерационном стихе см.: [Смирницкая 1982, с. 190–191];

Индивидуальную особенность поэмы составляет употребление аллитерации в пределах кратких строк, что позволяет сравнить ее со скальдической аллитерацией. Ко времени сочинения поэмы о правлении Вильгельма поэзия скальдов была хорошо известна на Британских островах, поэтому ее влияние на создателя поэмы из Петерборской рукописи нельзя исключать.

Со скальдическим панегириком можно на первый взгляд сравнить и жанр поэмы, если согласиться с теми исследователями, которые относят ее к энкомиям (*“popular encomium”*) [Lerer 1999, p. 15–16]), или к «элегиям, выражающим скорбь по всему веку и по королю» (*“an elegy for an age as much as for a king”*) [Lerer 1999, p. 12], или к памятникам, «увековечивающим прочность его положения на английском престоле» [Bredehoft 2001, p. 118]. Тем не менее, в отличие от всех предшествующих поэм, включенных в Хронику, стихотворение о Вильгельме трудно отнести к панегирикам, так как оно содержит критику короля, подводя неутешительный итог его правлению. Немногое новое, что добавляется в поэме к прозаической части анналов в плане семантики, состоит в критике лесных законов: Вильгельм больше заботится о благе оленей, которых любит, как родной отец, чем людей. Создатель поэмы противопоставляет участь подданных и вольготную жизнь зверей: народ обречен на голод, зато зайцы бегают на воле, потому что король приносит интересы людей в жертву собственной страсти к охоте. Некоторые исследователи, например Стефан Юрасинский, считали, что поэма сочинена самим составителем Петерборской летописи и начинает традицию литературной полемики XII в. против несправедливости лесных законов, однако едва ли ее содержание исчерпывается критикой лесных законов [Jurasinski 2004, p. 131–144]. Можно заметить, что поэтическая вставка представляет собой перечисление негативных поступков короля (он угнетал, отбирал, был жаден, алчен, ослеплял, запрещал, был суров и т. д.), т. е. концентрированную критику, не разбавленную (в отличие от прозаической части) упоминаниями о его положительных и нейтральных действиях.

Поэтическая вставка отличается от прозаической части анналов за 1087 г. и по стилю. Используя характерные для гомилетических жанров риторические приемы (повторы, параллелизмы, контрасты, эмфатические конструкции), создатель прозы выступает скорее как оратор или проповедник, чем как бесстрастный историограф (Clark 1958, p. LXXV–LXXIX). Стилистика прозаической части анналов

об использовании аллитерации в позднесредневековой английской поэзии см.: [Матюшина 1994, с. 204, 222–223].

заставляет вспомнить о проповедях Вульфстана¹⁹, основанных на использовании ритмизованной прозы, аллитерирующих коллокаций, рифмованных периодов и таких риторических приемов, как повторы, параллелизмы, формульные интенсификаторы с наречием *swyðe* (*swyðe ðearle* – «очень ужасно», ср. четырехкратное употребление этого наречия в первой части анналов за 1086 г.: “7 þæs ilcan geares wæs **swiðe** hefelic gear. 7 **swiðe** swincfull 7 sorhfull gear innan Englelande on orfwealme. 7 corn. 7 wæstmas wæron ætstandene. 7 swa mycel ungelimp on wæderunge. swa man naht æðelice gepencean ne mæg. swa stor þunring. 7 lægt wes. swa þæt hit acwealde manige men. 7 aa hit wyrsoðe mid mannan **swiðor** 7 **swiðor**” – «И этот самый год выдался крайне тяжелым. И заставил много трудиться, и был очень горестным годом в Англии, и был падеж скота. И зерно, и урожаи остались неубранными. И была такая неблагоприятная погода, что нельзя было себе и представить. И были такие сильные грозы и молнии, что убили много народа. И все для людей становилось хуже и хуже»). Не только стилистика, но и тематика прозаических анналов за 1086–1087 гг. близка к излюбленным темам гомилетической прозы Вульфстана, особенно в его знаменитой проповеди к англам (*Sermo Lupi ad Anglos*): царящие в стране беззаконие и несправедливость; бедность, болезни и страдания народа; преступления, совершаемые против церкви; непомерные налоги, разоряющие людей; непогода, уничтожающая урожаи; чужеземные завоеватели, вторгшиеся в страну; гордыня, навлекшая на людей гнев Божий; поражение англосаксов в битве как наказание за их грехи. Можно предположить, что создатель прозаической части анналов Петерборской рукописи за 1087 г. опирался на гомилетическую прозу Вульфстана.

Отдельные стилистические приемы, регулярно воспроизводимые в прозаической части анналов за 1087 г., вероятно, под воздействием ритмической прозы Вульфстана, в упрощенном виде заимствуются и в поэме о правлении Вильгельма: ср., например, употребление повторов (одде *land habban*, / *land* одде *eahta* – «или владеть землей, землей или имуществом»), или параллелизмов (*wyrcean* : *swencean* – «строить : трудиться»), или контрастов (*rice men* : *earme men* – «богатые люди» : «бедные люди»). Как и в поэме (*heort* одде *hind* – «олень или лань»; *land* одде *eahta*, *goldes ond seolfres* – «золота и серебра»; одде *wel his sehta* – «землей или имуществом или его добрым расположением»), в ритмической прозе Вульфстана воспроизводятся формульные фразы, связанные аллитерацией, разными видами рифмы, ассонансами и консон-

¹⁹ О стиле Вульфстана см.: [McIntosh 1949, p. 109–142; Fowler 1966, p. 37; Orchard 1992, p. 244–249].

нансами: *Ne dohte hit nu lange inne ne ute, ac wæs here and hunger, bryne and blodgyte on gewelhwylcan ende and gelome. And us stalu and cwalu, stric and steorfa, orfwealm and uncopu, hol and hete and rypera reallac derede swyþe þearle, and us ungylda swyþe gedrehtan, and us unwedera foroft weoldan unwæstma* (II, 69–71) – «Сейчас в течение долгого времени ничего не процветало ни в стране, ни за ее пределами, но почти во всех краях часто и все время были разруха и голод, огонь и кровопролитие. И воровство, и убийство, чума и мор, язва и болезнь, клевета и ненависть, и набеги грабителей наносили нам большой урон, и непомерные налоги сильно разоряли нас, и непогода часто уничтожала наши урожаи» [Marsden 2004, p. 214]. Как и в поэтической вставке в Петерборскую рукопись, в ритмической прозе Вульфстана встречаются и рифмы (*totorene* : *ofhrorene*, *stalu* : *cwalu*), и ассонансы (*ungylda swyþe*), и консонансы (*derede* : *unwedera*), и орнаментальная аллитерация²⁰, причем оба звуковых повтора нередко объединяются в наиболее эмоциональных отрезках текста (*bryne and blodgyte, stric and steorfa*). Аллитерация и рифма в проповедях Вульфстана приобретают особую экспрессивность в равноударных и стремящихся к равносложным синтагмам, как правило, объединяемых анафорой (*and us*) и параллелизмом (*inne ne ute, here and hunger*).

Как в гомилетической прозе Вульфстана, в поэме о Вильгельме повторы, объединяемым ритмико-синтаксическим параллелизмом, могут употребляться в экспрессивной функции (*gif hi woldon libban, / oððe land habban, / land oððe eahta* – «если хотели жить, / или владеть землями, / землями или имуществом»). В приведенных строках используется усиленный вариант параллелизма, триколон, представляющий конструкцию из трех элементов, – экономичный, эффективный и самодостаточный прием, дающий возможность закончить перечисление, не представляя его легковесным. Как и в ритмической прозе Вульфстана, в поэтической вставке в Петерборской рукописи наиболее эмоционально насыщенные строки заканчиваются созвучными глагольными формами, в которых применяются аллитерация, ассонансы и рифма (*wytcean, swencean, be-*

²⁰ Звуковая организация прозы Вульфстана скорее всего связана с латинской риторикой, однако его билингвизм (напомним, что он был ближайшим советником не только Этельреда, но и Кнута Могучего), объясняющий присутствие в его трудах огромного числа скандинавских заимствований, и возможное знакомство с поэзией скальдов, канонизовавшей использование рифмы (консонансов и ассонансов), позволяют предположить, что на звуковую организацию его прозы могла оказать влияние и скандинавская словесность.

feallan, blendian, faran, mændon, beceorodan, folgian, libban, habban, ahebban). Ритмическая организация строк, которые заключаются личными формами глаголов, помещенными в абсолютный конец строки, позволяет передать гнев и возмущение создателя поэмы перечисляемыми им злодеяниями нормандского короля. Однако функция звуковых приемов в риторической прозе Вульфстана и в поэме из Петерборской рукописи различна. Если Вульфстан употребляет и рифму, и аллитерацию в эмфатической функции, то в поэме о Вильгельме рифма используется в композиционной роли, а аллитерация – в кульминативной (для выделения наиболее семантически важных слов в строке).

Тематически поэтическая вставка в Петерборской рукописи за 1087 г. подводит итог прозаической части анналов и представляет собой вариацию ее различных частей, в которых шла речь и о строительстве замков, и об угнетении бедных людей, и о суровости и алчности короля, и о его несправедливом правлении, и о страданиях могущественных людей, и о горестях бедноты. Воспроизводится и максима о наказании за гордыню, обобщающая характеристику короля в гномической перспективе, и обращение к Господу о даровании прощения за грехи, завершающее поэму. Можно заключить, следовательно, что поэма о правлении и кончине Вильгельма, в концентрированном виде суммирующая содержание прозы, была создана на основе прозаической части анналов за 1087 г., опирающейся на гомилетическую прозу Вульфстана. Поэма, вероятно, была сочинена позднее, чем та запись, в которую включена, и восходит к низовой традиции словесности, почти свободной от влияния аллитерационного стиха и основанной на использовании рифмы, обиходной лексики, упрощенного синтаксиса. Возможно, перед нами уникальное свидетельство отношения к нормандскому королю его подданных, которое включено составителем Англосаксонской хроники как подтверждение его собственной негативной оценки правления Вильгельма.

Источники

-
- Barlow 1999 – *Barlow F.* (ed.) *The Carmen de Hastingae Proelio of Guy bishop of Amiens* // *Oxford Medieval Texts*, 1999. 152 p.
- Clark 1958 – *Clark C.* *The Peterborough Chronicles*. Oxford: Oxford University Press, 1958. 126 p.
- Chibnall 1969–1980 – *Chibnall M.* (ed.) *The Ecclesiastical History of Orderic Vitalis. Ordericus Vitalis, 1075–1143. Vol. 1–6*. Oxford: Clarendon Press, 1969–1980.
- Darlington 1995 – *Darlington R.R., McGurk P., Bray J.* (eds.) *The Chronicle of John*

- of Worcester: Volume II: The Annals from 450 to 1066. Oxford: Clarendon Press, 1995. 804 p.
- Davis 1998 – *Davis R.H.C., Chibnall M.* (ed.) *The Gesta Guillelmi of William of Poitiers.* Oxford Medieval Texts. Oxford, 1998. 248 p.
- Douglas 1981 – *Douglas D.C., Greenway G.W.* (eds.) *English Historical Documents 1042–1189.* 2nd ed. London: Eyre Methuen, 1981. 1120 p.
- Van Houts 1992 – *Houts van E.M.C.* (ed.) *The Gesta Normannorum Ducum of William of Jumièges, Orderic Vitalis, and Robert of Torigni, Vol. I.* Oxford: Clarendon Press, 1992. 296 p.
- Krapp, Dobbie 1931–1953 – *Krapp G.P., Dobbie E. Van K.* (eds.) *Anglo-Saxon Poetic Records. A Collective Edition,* New York: Columbia University Press, 1931–1953. Vol. 1–6.
- Mynors 1998 – *Mynors R.A.B., Thomson R.M., Winterbottom M.* (eds.) *William of Malmesbury: Gesta Regum Anglorum.* Oxford Medieval Texts, Vol. I, Oxford: Clarendon Press, 1998. 912 p.
- Searle 1980 – *Searle E.* (ed.) *The Chronicle of Battle Abbey.* Oxford: Oxford University Press, 1980. 357 p.
- The Anglo-Saxon Chronicle 1986 – *The Anglo-Saxon Chronicle: A Collaborative Edition.* MS A / Ed. J.M. Bately; D.N. Dumville; S. Keynes. Cambridge: D.S. Brewer, 1986. Vol. 3. 124 p.
- The Anglo-Saxon Chronicle 2001 – *The Anglo-Saxon Chronicle: A Collaborative Edition.* MS C / Ed. D. Dumville, S. Keynes; K. O'Brien O'Keeffe; Cambridge: D.S. Brewer, 2001. Vol. 5. 150 p.
- The Anglo-Saxon Chronicle 1996 – *The Anglo-Saxon Chronicle: A Collaborative Edition.* MS D / Ed. G.P. Cubbin; D. Dumville, S. Keynes. Cambridge: D.S. Brewer, 1996. Vol. 6. 192 p.
- The Anglo-Saxon Chronicle 2004 – *The Anglo-Saxon Chronicle. A Collaborative Edition.* MS E / Ed. S. Irvine. Cambridge: D.S. Brewer, 2004. Vol. 7. 174 p.
- The Anglo-Saxon Chronicle 2000 – *The Anglo-Saxon Chronicle: A Collaborative Edition.* MS F / Ed. P.S. Baker, D.N. Dumville; S. Keynes. Cambridge: D.S. Brewer, 2000. Vol. 8. 158 p.

Литература

- Матюшина 1994 – Возрождение аллитерационной поэзии в позднесредневековой Англии // Проблема жанра в литературе Средневековья / Отв. ред. А.Д. Михайлов. М.: Наследие, 1994. С. 175–228.
- Матюшина 2007 – Становление лирики в средневековой Европе // Лирика: генезис и эволюция / Сост. И.Г. Матюшина, С.Ю. Неклюдов. М.: РГГУ, 2007. С. 54–122.
- Смирницкая 1982 – Поэтическое искусство англосаксов // Древнеанглийская поэзия / Изд. подгот. О.А. Смирницкая, В.Г. Тихомиров. М.: Наука, 1982.

- Bredehoft 2001 – *Bredehoft T.A.* Textual Histories: Readings in the Anglo-Saxon Chronicle. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press, 2001. 250 p.
- De Vries 1999 – *De Vries K.* The Norwegian Invasion of England in 1066. Woodbridge: Boydell Press, 1999. 325 p.
- Douglas 1953 – *Douglas D.C.* Edward the Confessor, Duke William of Normandy, and the English Succession // *English Historical Review*, LXVIII, 1953. P. 526–545.
- Fowler 1966 – *Fowler R.* Old English Verse and Prose: An Annotated Selection with Introduction and Notes. London: Routledge, 1966. 250 p.
- Jost 1959 – *Jost K.* Die “Institutes of Polity, Civil and Ecclesiastical”: Ein Werk Erzbischof Wulfstans von York // *Schweizer anglistische Arbeiten*. Bd. 47. Bern: Francke, 1959. 274 s.
- Jurasinski 2004 – *Jurasinski S.* The Rime of King William and its Analogues, *Neophilologus* 88: (January 2004). P. 131–144.
- Lerer 1999 – *Lerer S.* Old English and Its Afterlife // *The Cambridge History of Medieval English Literature* / Ed. D. Wallace. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 7–34.
- Marsden 2004 – *Marsden R.* The Cambridge Old English Reader. Cambridge, 2004. P. 214.
- McIntosh 1949 – *McIntosh A.* Wulfstan’s Prose. Sir Israel Gollanz Memoria Lecture, 1948 // *Proceedings of the British Academy*. 1949. Vol. 35. P. 109–142.
- Morillo 1994 – *Morillo S.* Warfare under the Anglo-Norman Kings 1066–1135. Woodbridge: Boydell & Brewer, 1994. P. 163–168.
- Oleson 1957 – *Oleson T.J.* Edward the Confessor’s Promise of the Throne to Duke William of Normandy // *English Historical Review*, LXXI, 1957. P. 221–228.
- Orchard 1992 – *Orchard A.* Crying Wolf: Oral Style and the Sermones Lupi // *Anglo-Saxon England*. 1992. Vol. 21. P. 244–249.
- Swanton 1975 – Swanton M. Wulfstan’s Institutes of Polity. *Anglo-Saxon Reader* / Ed. by M. Swanton. London: J.M. Dent and Sons Ltd, 1975. 188 p.
- Whiting 1949 – *Whiting B.J.* The Rime of King William // *Philologica: The Malone Anniversary Studies* / Ed. by T.A. Kirby and H.B. Woolf. Baltimore: Johns Hopkins, 1949. P. 89–96.

References

- Bredehoft, T.A. (2001), *Textual Histories: Readings in the Anglo-Saxon Chronicle*, University of Toronto Press, Toronto; Buffalo; London.
- DeVries, K. (1999), *The Norwegian Invasion of England in 1066*, Boydell Press, Woodbridge, UK.
- Douglas, D.C. (1953), “Edward the Confessor, Duke William of Normandy, and the English Succession”, *English Historical Review*, vol. LXVIII, pp. 526–545.
- Fowler, R. (1966), *Old English Verse and Prose: An Annotated Selection with Introduction and Notes*, Routledge, London, 1966.

- Jost, K. (1959), Die 'Institutes of Polity, Civil and Ecclesiastical'. Ein Werk Erzbischof Wulfstans von York, *Schweizer anglistische Arbeiten*, Bd. 47, Francke, Bern, Switzerland.
- Jurasinski, S. (2004), "The Rime of King William and its Analogues", *Neophilologus*, vol. 88, pp. 131–144.
- Lerer, S. (1999), "Old English and Its Afterlife", *The Cambridge History of Medieval English Literature*, D. Wallace (ed.), Cambridge University Press, Cambridge, UK, pp. 7–34.
- Marsden, R. (2004), *The Cambridge Old English Reader*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Matyushina, I.G. (1994), "The Revival of Alliterative Poetry in Late Medieval England", A.D. Mikhaylov (ed.), *Problema zhanra v literature Srednevekov'ya*, Nasledie, Moscow, Russia, pp. 175–228.
- Matyushina, I.G. (2007), "The Emergence of Lyrical Poetry in Medieval Europe", *Lirika: genezis i evolyutsiya*, Comp. by I.G. Matyushina, S.Yu. Neklyudov, RGGU, Moscow, Russia, pp. 54–122.
- McIntosh, A. (1949), "Wulfstan's Prose. Sir Israel Gollanz Memoria Lecture", *Proceedings of the British Academy*, vol. 35, pp. 109–142.
- Morillo, S. (1994), *Warfare under the Anglo-Norman Kings 1066-1135*, Boydell & Brewer, Woodbridge, UK.
- Oleson, T.J. (1957), "Edward the Confessor's Promise of the Throne to Duke William of Normandy", *English Historical Review*, LXXI, pp. 221–28.
- Orchard, A. (1992), "Crying Wolf: Oral Style and the Sermones Lupi", *Anglo-Saxon England*, vol. 21, pp. 244–249.
- Smirnitckaya, O.A. (1982), "Anglo-Saxon Poetic Art", *Drevneangliyskaya poeziya*, (eds.) O.A. Smirnitckaya, V.G. Tikhomirov, Nauka, Moscow, Russia.
- Swanton, M. (ed.) (1975), *Wulfstan's Institutes of Polity. Anglo-Saxon Reader*, J.M. Dent and Sons Ltd, London, UK.
- Whiting, B.J. (1949), "The Rime of King William", *Philologica: The Malone Anniversary Studies*, T.A. Kirby and H.B. Woolf (eds.), Johns Hopkins, Baltimore, USA, pp. 89–96.

Информация об авторе

Инна Г. Матюшина, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; I.Matyushina@exeter.ac.uk

Information about the author

Inna G. Matyushina, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; I.Matyushina@exeter.ac.uk